

П. Я. Чаадаев

**Полное собрание сочинений и
избранные письма. Том 2**

Памятники философской мысли

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П. Я. Чаадаев**
Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 2: Памятники философ-
ской мысли / П. Я. Чаадаев – М.: Книга по Требованию, 2015. – 680 с.

ISBN 978-5-458-41031-1

ISBN 978-5-458-41031-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПИСЬМА
И КОММЕНТАРИИ

ПИСЬМА

1807—1816

1. И. Д. Щербатову (лето 1807)

Любезный братец!

Не завидуйте нашим счастьем, я вам правду скажу, что я умираю здесь¹ от скуки и от нетерпения вас видеть, тем более, что говорят, что мы еще долго отсюда не уедем; слышно, что у нас будет спектакль: это будет довольно весело, я думаю; мы все продолжаем ездить купаться и с нами махипальный человек:² мы пмели сражение с егорьевскими собаками и остались победителями — одна осталась на месте и одна ранена*. Впрочем, мы так же проводим время, как и сперва, с той разницей, что все послеобеда проходит в верчении на качелях. Пожалуйте, братец, побраните Федора Ивановича Чумакова <1 сл. прэб.> и прч. и прч. и прч. за то, что все хочет к нам писать и за его немилосердный урок. Простите. Остаюсь ваш покорный слуга, друг и брат и т. д. Петр Чаадаев.

Уже коляска дядюшкина готова, он едет; итак, мне некогда к вам больше писать.

2. И. Д. Щербатову (1811)

Любезный братец, Иван Дмитриевич.

Я очень рад, что пмею случай писать к вам письмо неравнодушное и, следовательно, которое не может вам наскучить, как такое письмо, которое писано с тем только, чтобы что-нибудь написать. Наконец, мы собрались в путь и кажется поедем недели через полторы. Я рад, наконец, получить осповательное и определенное бытие после почти целого года, проведенного в неизвестности судьбы своей,— я вас уверяю, что это почти как будто бы я вижу копец весьма скучного путешествия. Но всего более в сем обстоятельстве мне приятно, что я вас в скором времени увижу,— впрочем, этого мне не нужно было

* В сем сражении показал махипальный человек чудеса храбрости (примеч. П. Я. Чаадаева).

сказывать, потому что я знаю, что вы уверены в моей дружбе так, как я уверен в вашей приязни, на которую полагаюсь, мы теперь оба вас просим одолжить нас, наняв для нашего приезда покои — комнат в семь, побольше и почище, — и прошу вас, если можно, так чтобы нанять с дровами на два месяца, — в веселой части города. С следующей почтой вы получите деньги рублей 200. Таким образом, любезный братец, мы надеемся, что вы не откажете нам в нашей просьбе и что в скором времени получим благоприятный ответ, в котором мы вас просим означить адрес нашего будущего жилища — и все, что до сего обстоятельства касается. Впрочем, я прошу вас быть уверенным, что сей новый шаг вашей дружбы для меня всегда будет самым приятнейшим ее доказательством.

Вас искренно любящий друг и брат Петр Чаадаев. P. S. Не забудьте, прошу вас, велеть истопить панятые покои до нашего приезда — кстати, постарайтесь нанять, если можно, с мебелью — нам бы было сие весьма приятно. — Москва, 1811. Декабря 7.

3—8. Из писем Д. А. Облеухову (1812—1816)

Март 1812 г. ¹

...сколько мне было приятно получить от вас препоручение, столько же мне теперь прискорбно, что я не мог его исполнить. Удивительное дело! В Петербурге, где столько людей думают, что понимают Капта, не мог я найти его главнейших сочинений. Однако ж не отчаивайтесь, любезный друг, я препоручил его искать по моему отъезде и надеюсь, что в непродолжительном времени получите ваши книги. Для меня будет весьма приятно, что я к тому чем-нибудь способствовал... ².

Альзас, 2 февраля 1814 г.

...Вам я не стану желать ничего, потому что, когда бы я не полагался на близость Провидения, все бы я не мог поверить, что с вашими совершенствами, любезный друг, можно быть неблагополучным.

С.-Петербург, 1 марта 1815 г.

...позабыл вам сказать о Тите Ливии, что у меня его нет, не знаю, куда девался — и что я в отчаянии от того, что я не мог вам им услужить. В последнем своем пись-

ме писал я к вам о своих книгах; как глупо позабыть, что вы погорелые люди; простите мне за это, любезный друг.

С.-Петербург, 31 марта 1815 г.

...Лаконически <...> * ваше меня огорчает и по дружбе моей к вам, потому что я желал бы вас видеть в славе, и по любви моей к отечеству, которого вы лишаете прекрасного слуги. Что же касается до судьбы вашей, которая, говорите вы, постоянно вам сопротивляется, то, по моему мнению, судьба наша в нас самих и неудачи наши от того, что мы не довольно хотим того, чего мы желаем... и с вашими ли способностями и познаниями не служить отечеству!.. Теперь мне лишь остается надеяться, что увижу вас когда-нибудь в Петербурге, то есть, когда вы преодолеее тот слабый ваш характер, которому я не очень верю и которого еще менее люблю.

(В 1815 г. Чаадаев зовет Дм. Ал. (Облеухова) путешествовать вместе по Европе, он надеется, что несмотря на «обыкновенные затруднения» поездка состоится.)

14 мая 1816 г.

...Признайтесь, что лень посещает иногда и вас, трудолюбивых. Не могу однако же не сказать вам, что скорее ее прощу себе, шатающемуся по белу свету, нежели как вам, мирному жителю Тверской.

1820

9. М. Я. Чаадаеву

С. Петербург. 14 Января 1820.

Благодарю тебя, мой друг, за твое писание; я совсем не ожидал от тебя письма и уверен был, что ты не будешь вовсе ко мне писать. Я страх как рад, что ты выходишь в отставку; Нейдхардт, с которым я пишу, позволит тебе дожидаться ее в Москве. Скажи мне ради Бога, чем ты болен? Я уверен, что ты это себе вообразил и принимаешь скуку за болезнь. Из твоего письма видно, что ты порядочного расположения духа, да и Щербатов

* Пропуск в рукописи Д. И. Шаховского.

мне сказал, что слышал от Облеухова, что ты весел [и, как тот пекто], здоров, тучен и делами не замучен¹. Коммерция Щербатова идет своим порядком и он располагает на будущее лето пустить корабль в море. Храповицкий сей час выйдет в отставку; хвала тебе, если твое краспоречие его к тому побудило; это славнее <1 сл. прзб.> он заставлял только горы прохаживаться, а глупый человек хуже всякой горы. Ты теперь в Москве, следовательно более не сидишь на карячках. Я не понимаю, чем ты будешь жить [в этой великой столице], хотя и не на карячках. Деньги я получил и всех удовольствовал.

10. М. Я. Чаадаеву

С. Петербург. 9 февраля 1820 г.

Правда ли, что ты совсем выздоровел? Стану дожидаться подтверждения от тетушки. Я полагаю, что ты уже в Москве; Нейтгарт обещал по приезде своим сейчас тебя отпустить. Я не знаю, какой ты просил отпуск, формальный ли? Тогда надобно дожидаться высочайшего приказа, это, конечно, дело продлит*; корпусной же командир может тебе приватно позволить жить в Москве, тем более что ты подал в отставку. Нышче едет граф Толстой, и я нышче же скажу К...**, чтобы он там попукал проворнее тебя отпустить.

Я очень рад, что ты хочешь запыться нашими делами¹, но не понимаю, зачем ты мне не пищешь, какими ты деньгами хочешь жить до трети².

Ты хочешь, чтобы я обстоятельно тебе сказал, зачем мне нужны деньги. Я слишком учтив, чтобы с тобой спорить, и потому соглашаюсь, что ты туп, но есть мера на все, и на тупость. Неужели ты не знал, что 15 000 мне мало? Неужели ты не видал, что я издерживал всегда более? Неужели ты не знал, что это происходит от того, что я живу в трактире?³ Неужели ты не знал, что живу я в трактире для того, что не в состоянии нарядиться на квартире? Итак, вот для чего мне нужны деньги. Если меня сделают шутом⁴, то мне нужно будет кроме тех 2000, которые я должен князю, по крайней мере 8, чтобы монтировать и поставить себя в состоянии жить 1 а

* В оригинале «продлится» (В. С.).

** Фамилия написана неразборчиво (В. С.).

квартире и потому не издерживать более как свой доход, платить же я буду из шутовского жалованья. Если меня не сделают, то деньги эти мне не нужны. Тогда я выйду в отставку и непременно уеду жить в Париж, сперва разделившись с тобою и все окончивши. Если бы меня выпустили в отставку теперь, то я бы сейчас это сделал; поехал бы к тебе, а на весну уехал бы морем. Разумеешь ли ты теперь, зачем мне нужны деньги? Прочти еще раз, может быть поймешь. Что же касается до тех, которые я тебя прошу теперь занять, то это делает Степан⁵, надеюсь, без тебя. Пойми одно это, что прежде нежелали как я поселюсь совсем в Петербурге — и на квартире — мне доходов мало; это должно решить в продолжении двух третей. Эти 10 000 я не прошу тебя ко мне посылать, а только приготовить, и прислать мне их только тогда, когда меня сделают шутом, чтобы с того времени жить так, чтобы не проживать более доходов; а случиться это может и к пасхе.

Ты меня заставил столько вздору написать, что мне теперь нет ни места, ни времени написать что я тебе хотел; итак до другого времени. Между тем прошу тебя, мой друг, писать ко мне. Из Москвы пиши мне, как ты там будешь жить и что твое здоровье?

Расписки я велю отобрать ото всех и тебе пришлю. Что касается до моей ненависти к правде, это ложь; ругайся сколько хочешь и как хочешь.

Обнимаю тебя сто раз и уверяю тебя, что точно нет времени больше писать, потому что я пишу во вторник, день, в который отходит почта в 11 часов, а теперь 9.

Твой Петр Чаадаев.

11. М. Я. Чаадаеву

Петербург, 25 Марта 1820.

Спешу сообщить тебе, что ты уволен в отставку⁴, может быть, ты это уже знаешь. Итак, ты свободен, весьма завидую твоей судьбе и воистину желаю только одного: возможно поскорее оказаться в том же положении. Если бы я подал прошение об увольнении в настоящую минуту, то это значило бы просить о милости; быть может, мне и оказали бы ее — но как решиться на просьбу, когда не имеешь на то права? Возможно, однако, что

я кончу этим. О моем деле решительно ничего не слышать.

Рассказать тебе что-нибудь о здешних новостях? Знай, что здесь была дуэль, привлекавшая всеобщее внимание; это было чем-то вроде судебного поединка, по крайней мере по отношению к числу присутствовавших зрителей; я был в публике. Один из бойцов погиб, это был родной брат моего товарища Лачинова, Ланской. Он был убит наповал². Не нахожу слов передать те впечатление, которое на меня произвела эта смерть: это был молодой человек, красавец, единственный сын. Я не предполагал в себе такой чувствительности — по ты знаешь, что бывают смешные стороны даже во всем том, что случается наиболее печального на свете. Чтобы не отступить от этого правила, мой товарищ Лачинов, брат покойного, вздумал убить себя и излил свое отчаяние в красном письме к Васильчикову, написанном отменно красивым почерком, где он толкует о своем желании покинуть эту долину слез, погрузиться в вечность, и т. д., и т. д. Вся эта невыносимая галиматья и весь этот пафос убедили таки моего дурака, и он прибежал — вырвать роковой нож из его рук; в результате чего получилась весьма забавная сцена из мелодрамы. А на деле, этот повергнутый в отчаяние брат узнал о дуэли, когда все уже было кончено, что может тебе дать понятие о степени его нежности к несчастному брату.

Я замечаю, впрочем, что с этой болтовней я забываю поговорить с тобой о делах, потому обращусь теперь к другому несчастному, к твоему Ischavenss³. Ему причитается не десять тысяч рублей, а только 600, которые он и немедленно получит, как только он побеспокоится прийти за ними или поручит кому-нибудь получить их за него, послав этому последнему на сей предмет доверенность. Время, когда эти деньги будут выдаваться, будет объявлено в газетах во всеобщее сведение; говорят, что это будет через месяц или два.

Еще большая новость — и эта последняя гремит по всему миру: революция в Испании закончилась, король принужден был подписать конституционный акт 1812 года. Целый народ восставший, революция, законченная в 3 месяца, и при этом ни одной капли пролитой крови, никакого разрушения, полное отсутствие насилий, одним словом ничего, что могло бы запятнать столь

прекрасное дело, что ты об этом скажешь? ⁴ Происшедшее послужит отменным доводом в пользу революций. Но во всем этом есть нечто, ближе нас касающееся, — сказать ли? доверить ли сие этому нескромному листку? Нет, я предпочитаю промолчать; ведь уже теперь толкуют, что я демагог! дураки! они не знают, что тот, кто презирает мир, не думает о его исправлении.

Еще новость, на этот раз последняя. В одном из городских садов нашли рысь, погибшую от холода. Это по твоей специальности. Как это животное могло пробежать по улицам незамеченным? Как оно могло перелезть через стену? Как оно не напало ни на кого, прежде чем умереть с голоду? Вот тебе пища на три дня.

Прощай, мой добрый друг, мой милый, дорогой брат. Извиняюсь за свою болтливость, но не обещаю исправиться; я может быть и сейчас продолжал бы, если бы листок не отказывался принимать мою болтовню. Итак, прощай. Сообщи, мне, пожалуйста, то, что получится из твоих разговоров с нежеланным <?> другом. Тебе, может быть, было бы любопытно узнать, как себя чувствует Семеновский vas <?> после злой шутки, которую с ним сыграли (Шварц), но об этом другой раз ⁵.

12. М. Я. Чаадаеву

С. Петербург. 1820. 7 июня.

Что ты говоришь! Давно ли я к тебе писал! Сам-то ты когда ко мне писал? А когда и напишешь, все пустошь. Лучше бы ты мне сказал вместо своих вопросов, что ты сам подделываешь, какие такие у тебя дела? Я полагаю, что ты по нашему задолжал в трактире, и что дела твои состояли в том, что ты дожидался, по нашему же, денег, как мессия; мессия, вероятно, уже теперь пришел, и ты уже, конечно, в чистом поле. Что касается до зноя и до духоты, то они тебя всегда сопровождают и потому не могут быть тебе больно несносными. Ты все хлопочешь об моих деньгах; спасибо тебе, мой милый друг, но признаюсь тебе, что если бы ты был столько же рассудителен, сколько ты добр, то мне бы это было повыгоднее. Ты с своими счетами весьмаходишь на одну персону, которой я не хочу назвать, и не хочешь рассудить, что когда человек не *снаряжен по своему месту*, сопряжен-

ному с разными обязанностями, а снаряжен по месту вольного казака или вояжера, то он этих обязанностей выполнять не может без чрезвычайных доходов, т. е. займов; что бюджетов с начала года я делать не могу, потому что я всякий год веду войну и притом без арсеналов и без всяких запасов; а войны, как известно, в бюджетах не полагаются; что следовательно остается мне одна кредитная система. Эта система, конечно, губительна и погубит меня, равно как и Англию, потому и должен я, равно как и Англия, выйти из того положения, которое эту систему делает необходимою. Я на этот подвиг давно решился, не худо бы и Англии последовать моему примеру.

Ты не поверишь, что в то время, когда я тебе пишу эти строки, мне доходит до зарезу. Оброки пришли месяцем позже обыкновенного, мне должно было купить дрожки, и теперь мне должно отправляться в Красное Село, а между тем непомерные скачки взад и вперед. Я уверен, что никто на моем месте не сохранил бы в этом случае своей бодрости и еще менее ту веселость, с которой я тебе это пишу. Твоя нежность и заботливость меня столько трогают, что я не имею духа тебе про это говорить; скажу тебе только, что твоя тупость и недостаток твой смысла соображений для меня непонятен! Впрочем я прошу тебя об этом не думать, разумеется, что я от всего от этого не погибну, а вероятно как-нибудь вывернусь. Веселись, мой милый, в деревне у тетюшки; валяйся на мураве и приезжай ради бога сюда, в объятиях друг друга мы позабудем и мое горе и твою тупость.

13. А. И. Тургеневу

Мне случилось, почтеннейший Александр Иванович, просить Васильчикова об Глинке¹. Он обещался мне писать князю Дмитрию Владимировичу Голицыну и кажется доволен этим предложением. Спросите, прошу Вас, Глинку, согласен ли он на это; если он согласен, то В. сей час отпишет. Между тем, должен я вам сказать, что видевши вчера Закревского, я ему про это говорил, и он думает, что Голицыну откажут; но сколько я знаю этого роду дела, он, кажется, ошибается. Не худо бы было, если бы вы мне могли дать какой-нибудь отзыв сюда в Красное Село.

Примите, почтеннейший Александр Иванович, уверение в моем сердечном почтении и поклонитесь братцу вашему. Много бы еще вестей всякого рода мог бы и вам и ему рассказать, но бумага протекает, лучше оставить это до первого свидания. Между тем в нашей блистательной сфере пустомелей наберется еще кой-каких гадостей.

Ваш П. Чаадаев.

Увеселительный лагерь
в Красном Селе.
Четверг.

1821

14. А. М. Щербатовой

С.-Петербург, 2-го января 1821 года.

На этот раз, дорогая тетушка, пишу вам, чтобы сообщить положительным образом, что я подал в отставку. Рассчитываю через месяц иметь возможность написать вам, что получил ее. Моя просьба об отставке произвела сильное впечатление на некоторых лиц. Сначала не хотелось верить, что я серьезно домогаюсь этого, затем пришлось поверить, но до сих пор не могут понять, как я мог решиться на это в тот момент, когда я должен был получить то, чего, казалось я желал, чего так желает весь свет, и что получить молодому человеку в моем чине считается в высшей степени лестным. И сейчас еще есть люди, которые думают, что во время моего путешествия в Троппау я обеспечил себе эту милость, и что я подал в отставку лишь для того, чтобы набить себе цену. Через несколько недель они убедятся в своем заблуждении. Дело в том, что я действительно должен был получить флигель-адъютанта по возвращении Императора, по крайней мере по словам Васильчикова. Я нашел более забавным презреть эту милость, чем получить ее. Меня забавляло выказывать мое презрение людям, которые всех презирают. Как видите, все это очень просто. В сущности я должен вам признаться, что я в восторге от того, что уклонился от их благодеяний, ибо надо вам сказать, что нет на свете ничего более глупо высокомерного, чем этот Васильчиков, и то, что я сделал, является настоящей шут-